Лучший мир

Автор:
Сана Миллер

Лучший мир

Сана Миллер

На дворе 2020 год, эпидемия захватывает мир. Дело за малым – разобраться, какой именно. Как в панике, охватившей планету, понять, что происходит по-настоящему, а что – в твоей голове? И существуют ли секретные компоненты, которые делают реальность реальной?

Сана Миллер

Лучший мир

I.

«11.03.2020: Россия ограничивает авиасообщение с Германией, Испанией, Францией. Ограничение из-за коронавируса вводится с 13 марта».

Я сидела на мягком диванчике посреди торгового центра, опустив голову так, чтобы свешивались волосы, и никто не видел, что моё лицо залито слезами до

самого подбородка.

– Почему сейчас?! Почему именно сейчас??? Ай, блин…

Слеза, упавшая в открытый загранпаспорт прямо на новенький шенген, поставила беззвучную истерику на экстренную паузу. Аккуратно, стараясь ничего не размазать, я промокнула каплю краешком рукава, натянутым на палец. Фотография в визе и без того получилась не очень, но теперь, слегка расплывшееся от солёной влаги лицо идеально отражало моё состояние.

Эта неделя должна была стать невероятной. Только мы с Ильёй и Берлин. И рислинг. И, пожалуй, ещё карривурст – банально, но чертовски вкусно. До рая оставался всего месяц, но внезапная пандемия решила перекроить мою историю любви к большим городам, еде, алкоголю и Илье на свой лад. Для начала жирно зачеркнуть всё уже написанное одним-единственным электронным письмом: «Ваш рейс XXX-706 отменён». По иронии, новость свалилась на меня прямо в визовом центре, откуда я выходила, чуть ли не пританцовывая и нежно прижимая к груди заветный конверт с паспортом. Хотя объективных причин, по которым мне может быть отказано в визе, нет, каждый раз радуюсь так, будто мне удалось провернуть какую-то очень хитрую аферу.

По очень грустному совпадению границы закрыли именно Германия и ещё несколько стран. Наблюдая за растущей статистикой заболевших, пустеющими полками супермаркетов и лицами прохожих, спрятанными за медицинскими масками, я где-то глубоко внутри подозревала такой исход, однако всерьёз его не ждала. Нет, ну правда, пандемия в 2020 году? Мы же развитая цивилизация. Не то чтобы прям-таки очень, но всё же. Ещё осенью вирус казался далёкой призрачной угрозой – мало ли что там, в Китае, там всегда всё… необычно. Но ситуации понадобилось около трёх месяцев, чтобы перерасти в настоящее безумие и накрыть весь мир. Весь чёртов мир, с ума сойти. Я просто не верю, что живу во время, когда на карантин могут посадить целый мегаполис. Это просто не со мной. Какой-то абсурдный сон.

Наспех вытерев глаза, я вышла на улицу и, охнув от неожиданной яркости, поспешно нацепила солнцезащитные очки. Мир сиял и переливался, а катастрофой даже и не пахло. Пахло талым снегом и дешёвым кофе, благо через дорогу вокзал. Я обиженно шмыгнула носом, глядя, как серая железная полоса с красными отметинами на боках зашипела, лязгнула и величаво поползла вдоль платформы, прочь из города. Загран в сумке будто засветился, как волшебный

талисман, призывающий к действию. Меня накрыло странное чувство: чисто в теории я могу прямо сейчас подойти к кассе, купить билеты в любую страну Шенгенской зоны (пока все границы не позакрывались) и поминай как звали. Все сбережения с собой на карте, нужное можно купить на месте. Путь, конечно, неблизкий: четырнадцать часов до Литвы как минимум, но я бы как-нибудь потерпела. Забиться на верхнюю полку с музыкой, чаем и бесконечными пейзажами за окном не самый плохой вариант. И всё это прямо сейчас, только дорогу перейти, никто не остановит. Так странно думать в подобном ключе…

Стоп. Никаких больше необдуманных поступков. Я обещала себе и Илье.

Наушники взорвались звонком телефона, и я напрочь забыла о поездах и навязчивых идеях. Чёрт-чёрт-чёрт! Я должна была вернуться в офис якобы с «обеда» полчаса назад!

– Да, – ответила я, раздумывая, не слишком ли шумно вокруг, и прокатит ли, если я скажу, что задержалась на кухне.

– Ольга, где вас носит? – Михаил Валентинович рявкнул так, что пришлось срочно сбавлять громкость динамика. – Не наелись за два часа?

Олеся, идиота кусок. Меня зовут О-ле-ся. Так сложно запомнить?

– За полтора… – осторожно возразила я. Всё-таки иногда мой начальник любит преувеличивать.

– Через двадцать минут в моём кабинете! – процедил он и отключился.

Так себе день.

Я вызвала такси, обещавшее домчать от вокзала до офиса за десять минут, и принялась ждать, нетерпеливо постукивая новенькими чёрно-серебристыми и совсем не радующими ногтями по чехлу телефона. Пять минут показались мне вечностью, поэтому когда жёлтая машина подползла к остановке, я забыла о приличиях и беспощадно растолкала толпившихся там людей, чтобы добраться до заветной двери. Абстрагировавшись от ругани пожилой женщины в розовом спортивном костюме, я устроилась на заднем сидении и набрала номер.

– Илья, есть минутка?

– Да, малыш, только быстро, у меня скоро встреча.

– Наши билеты аннулировали, – сдавленно всхлипнув, сообщила я.

– Хорошо.

– Что хорошего?!

– В смысле, я понял. Ну ты что, новости не читала? Чего-то такого и следовало ожидать.

– Тебя это вообще не расстраивает?

– Очень расстраивает, правда, но мне пора бежать. Вечером поговорим, ладно? Забронируй стол в нашем месте и после работы езжай туда, посидим часик.

– Окей.

– Всё, люблю тебя.

Я вяло пробормотала что-то в ответ, положила трубку и позволила слезам течь, защищённая от любопытных взглядов водителя непроницаемыми стёклами очков. Главное в стрессовых ситуациях – это правильно дышать, по крайней мере, именно так заверял меня врач год назад. Вдохнуть через нос, задержать дыхание, медленно выдохнуть. Расслабится тело, расслабится и мозг.

Нечестно. Как же это всё нечестно. Это должна была быть лучшая неделя в моей жизни. По всей видимости, только в моей, но всё-таки.

– Ну что там? – спросила Катя, бодро выстукивая на клавиатуре какой-то очередной отчёт. Одна из пленников этого офиса, моя сестра по несчастью, соседка по кабинету, напарница по обедам и лучшая подруга. Несмотря на то,

что я проработала здесь чуть больше года, за всё это время мне удалось по-настоящему сдружиться только с ней. С остальными сам собой установился вежливый нейтралитет.

– Нормально. Выдали, – пробубнила я, бросая вещи на стол.

– А с глазами что?

– Потом, – отмахнулась я, в спешке сгребая бумаги, мысленно хваля себя за то, что подготовила их ещё вчера, пусть и ценой пары часов моей личной жизни. Ой-ой, в стопку затесался мой рисунок, неловко бы вышло. Хобби давно заброшенное, но рука нет да нет как будто на автомате берётся за карандаш. Не рисовать в офисе невозможно – иначе совсем крыша съедет от постоянного тыкания по клавишам и пойди-принеси-распечатай. Мельком глянула в зеркало – глаза действительно опухшие. Может и хорошо, меньше влетит.

Я наспех собрала волосы в ненавистный пучок, открывавший больше лица, чем мне хотелось бы показывать миру, поправила воротник белой рубашки, скинула грубые ботинки и влезла в не менее ненавистные каблуки. Можно идти.

У кулера возился Олег, главный юморист офиса. Увидев, куда я направляюсь, он адресовал мне сочувственный взгляд, но ничего не сказал. Будь на моём месте кто-то другой, обязательно отпустил бы какую-нибудь ремарку. Почему-то стало ещё грустнее. Интересно, по шкале от одного до десяти, насколько странно расстраиваться, что тебя даже не подкалывают?

Ну же, Леська, всего лишь стук в дверь. Давай, ты справишься. С отвращением при виде Михаила Валентиновича же как-то справляешься уже полтора года…

– Войдите, – раздалось из кабинета прежде, чем я занесла кулак.

Я сделала умиротворённое лицо, открыла дверь и шагнула внутрь.

Кабинет Михаила Валентиновича – это отдельный мир внутри нашего небольшого офиса. Кажется, что входишь в неподвижную картинку, где нет времени и ничего не происходит. Вещи всегда лежат на одних тех же местах, створка окна всегда откинута на одну и ту же ширину, а в мусорной корзине

всегда примерно одинаковая гора бумажек. Даже воздух здесь будто застыл. И запах один и тот же – какого-то очень дорогого, но тошнотворно-кислого одеколона.

– Явились?

Вместо ответа я привычно присела, не дожидаясь приглашения, и через стол протянула ему документы, смотря прямо в буравящие меня тёмные глаза на молодом загорелом лице. Опять по курортам разъезжал на папочкины деньги, щегол. Начальник грубо выхватил стопку из моих рук, пробежался глазами по первой странице и тут же отправил её в мусорную корзину.

– Это не то, что я просил.

«Ты нормальный? Я вчера на два часа задержалась, чтобы успеть это подготовить, а ты выбросил, не посмотрев! Я тебе это ведро сейчас на голову надену!!!» – бегущими строками проносилось в моей голове, пока я провожала взглядом путь плодов своего труда до корзины.

– И что, собственно, не так? – невозмутимо спросила я, стараясь и бровью не вести. Так повелось с первого дня. Перед этим козлом ни в коем случае нельзя давать слабину, иначе будет доводить до слёз каждый день. Проверено на печальном опыте Кати и других девочек из отдела.

– Всё не так. Перечитайте моё письмо с указаниями ещё раз, и чтобы завтра к девяти всё было у меня на столе.

– Хорошо.

– И да. Ещё раз увижу, что ваши обеды затягиваются – будете уволены. По статье.

– Я вас поняла, – мои ладони под массивным столом из красного дерева непроизвольно сжались в кулаки. Я представила, как беру Михаила Валентиновича за шиворот и со всего размаху прикладываю лбом об стол. От этой мысли полегчало. С какой стати он вообще Валентинович? Говнюк лет на пять меня старше максимум, а ещё туда же. Заигравшийся папенькин сынок.

– Надеюсь. Вы не забыли проснуться сегодня?

– Что? – моргнула я.

– Идите, говорю, работайте, второй раз повторять не буду, – огрызнулся Михаил. Я твёрдо решила про себя отныне называть его только по имени и ровно до той поры, пока не придумаю достаточно оскорбительное прозвище.

– Хорошего дня, – машинно отчеканила я, встала и поскорее вышла из кабинета. На всякий случай глянула на свои наручные часы. Никогда не обращала внимания, но почти уверена, что в этом проклятом кабинете они останавливаются.

На столе рядом с клавиатурой дожидалась чашка горячего чая. Я благодарно посмотрела на Катю и без слов повалилась на кресло.

– Влетело? – сочувственно спросила она, оторвавшись от компьютера. Несмотря на то, что возраст Кати уже лет пять как преодолел отметку в два десятка, выглядела она так, что человек со стороны мог бы невольно заподозрить нашу компанию в эксплуатации детского труда. Ну ладно, как минимум, подросткового.

Моя нижняя губа подрагивала так, что ответа не потребовалось.

– О-о-ох, – она отъехала от стола, смешно перебирая ногами, кинулась ко мне и крепко обняла со спины. Сил сдерживаться больше не было, и я разревелась.

– Чш-ш-ш, – объятия подруги стали ещё крепче. – Настолько всё плохо? Что там этот чудила опять наговорил?

– Да хрен с ним, – всхлипнула я. – Наш с Ильёй рейс в Берлин… Его отменили…

От неожиданности Катя выпустила меня из объятий.

– Чего? В смысле? Из-за коронавируса?

– Ага, – уныло кивнула я и потянулась к чаю. – Только вышла из визового центра и тут на тебе, это сообщение. А я так ждала… Кать, как же я ждала… Хоть какой-то глоток свежего воздуха во всём этом дерьмище… И хотя бы капелька времени с Ильёй. Мы же никогда никуда не ездили за столько лет.

– Ну чего ты, Лесюнь… Ещё ведь целый месяц. Может, рейсы восстановят?

Я отрицательно помотала головой.

– Не-а. Все в панике. Статистика по заболевшим и умершим жуткая. Мероприятия отменяют, собираются строить больницы. Ходят слухи, что в Москве введут пропускной режим и чуть ли не ЧС. Я тут всякого начиталась, пока в такси ехала.

– Пропускной режим? ЧС? – Катя скептически сморщила вздёрнутый нос. – Не слишком?

Я пожала плечами, делая огромный обжигающий глоток чая.

– Полная дичь. Но если это правда, то плакал мой поиск работы. И твой. Ты помнишь про план?

– Вырваться отсюда к концу года, – отчеканила Катя. – За план не переживай. Нашей мотивацией не видеть этот гадюшник можно ракеты заправлять. Справимся.

Я усмехнулась и уже в который раз за день вытерла слёзы, но на душе было всё так же паршиво. Жалобно пискнул телефон.

«Лесь, мне проект новый прилетел. На сегодня всё отменяется. Увидимся дома, а в следующий раз я весь твой!»

Ну что ж, хата сгорела, так что сарай уже не жалко, хотя, если верить народной мудрости, эти события обычно происходят в другой последовательности. Только почему именно сегодня? Меня словно выбросило в космическую пустоту, даже

без возможности как следует покричать и побарахтаться. Такое происходит всякий раз, когда на Илью сваливается внезапная работа. Я даже вроде как привыкла. Надо просто переждать.

– Кать, пожалуйста, давай напьёмся вечером. Я не вывожу этот день.

Подруга нахмурилась.

– Если только чая или кофе. По крайней мере, тебе точно только их. Работу переделывать не надо?

– Просто распечатаю то же самое и внесу пару правок в титульный лист. Спорим на косарь, что он не придерётся?

– Конечно не придерётся. Этот олень дальше титульника даже не смотрел, да?

Вместо ответа я красноречиво поджала губы и протянула ей ладонь. Катя с мрачным лицом отбила пять, и мы синхронно вернулись к работе. Пусть этот день хотя бы закончится хорошо.

Город выглядел как обычно, но ощущение неотвратимой беды висело в воздухе, подпитываемое мыслями тысяч людей. Мы старались сохранить остатки позитивного настроя и беззаботно бродили по центру в районе Китай-Города, грея руки об стаканчики с горячим кофе из любимой кофейни и стараясь не обращать внимания на то, что лица большинства прохожих были скрыты медицинскими масками. Вдруг это наша последняя прогулка.

– Ты как? – голос подруги донёсся до меня будто из-под воды.

– Нормально, – ответила я, помедлив. Почему-то в голове плавали слова Михаила.

«Вы не забыли проснуться?»

Что это было? Это ведь не связано с…

– Кать?

– Что?

– Как думаешь, что теперь будет?

– Даже думать не хочу. Только бы не отправили из дома работать, я со своим зоопарком вздёрнусь! Завидую вам с Ильёй.

– Не сказала бы, что есть смысл завидовать, – отмахнулась я. – Он даже лёжа на диване будет в работе по уши.

– У вас всё хорошо?

– Ну… Да, – замялась я. – Думаю, да.

– И тебе нормально, что он всё время работает?

Я пожала плечами. Честно говоря, так и не определилась со своей позицией по этому вопросу. Я никогда не была избалована вниманием, поэтому сам факт того, что мы съехались год назад, воспринимался как один огромный акт проявления этого самого внимания. О большем я даже не думала (точнее, запрещала себе думать, одёргивая, словно эгоистичного ребёнка, выпрашивающего десятую конфету), тем более, что жить пока что удавалось душа в душу. Лучше так, чем без работы. Такое мы уже проходили.

– Эм-м-м… Если ему нравится работать, то почему бы и нет.

– А ты?

– А мне не нравится. Но это потому что я ещё не нашла своё. Вот как стану самым крутым художником игр…

– Да я не о том. Тебе не одиноко, пока он в офисе пропадает?

Катя – потрясающий человек. Вот как она умудряется? Сама непосредственность.

– Нет. Он есть. Разве мало?

– Вот это выдержка у тебя. Я б так не смогла.

– Просто слишком хорошо помню время, когда у меня не было того, что есть сейчас. Ой, ладно тебе, не такой уж Илья и повёрнутый на работе. После того случая так вообще, мы даже начали иногда ходить куда-то вместе. Он редко свободен, но всё же находит время, даже места сам выбирает. Мне не даёт, говорит, навыбиралась уже. До сих пор винит себя за то, что случилось в том году.

– Авторитарный он у тебя, знаешь ли. В хорошем смысле! А ты… – Катя замялась, и я по одному лишь её растерянно-взволнованному взгляду поняла, о чём она хочет спросить.

– Не волнуйся, мне с тех пор больше ничего такого не мерещилось. И зря вы с Ильёй на алкоголь всё списываете, я бы ни за что пьяная за руль не села.

– Ты возвращалась из бара, Лесь. В баре обычно пьют.

– Ну а я не пила. Ладно, совсем немного, даже первый стакан допить не успела. Ко мне начал подкатывать какой-то додик, и я почти сразу уехала.

– Вот видишь, – Катя укоризненно покачала головой.

– Думайте что хотите. За год уже можно было бы поверить.

– Ладно, прости.

Некоторое время мы шли молча. Катя погрузилась в свои мысли, а я думала о том, как объяснить своим самым близким на свете людям: лучшей подруге и парню, что в тот чёртов день мне по мозгам дал не глоток сидра, а оглушил своей внезапностью белый шум, прорвавшийся в эфир радиопередачи, которую я слушала по пути домой, а затем его перекрыл голос, отчётливо произнёсший:

– Мы ждём тебя, Олеся. Возвращайся скорее домой.

Время, когда город застывает на границе сезонов, кажется особенным. Как переход из одного мира в другой. Чувствовать на коже тёплый ветерок, когда с улиц ещё не до конца сошёл снег – это как слышать звуки внешнего мира в утренней дрёме.

– Ну что, к метро?

– Ты езжай, а я ещё погуляю.

– Точно? Ты себя нормально чувствуешь? Если это из-за того, что я вспомнила…

– Нет-нет-нет, не думай ничего такого. Всё нормально, просто я хочу ещё побродить. Дойду до своей ветки, там сяду.

– Смотри мне. Напиши, как будешь дома.

– Ты тоже.

Проворчав что-то неразборчивое, Катя ловким движением надела жёлтую тканевую маску в полоску и распахнула руки. Мы обнялись на прощание, и я немного постояла у метро, ощущая его тёплое дыхание на коже и глядя подруге вслед. Затем со вздохом развернулась и, как и обещала, побрела до своей ветки. После аварии я больше не садилась за руль, а метро начало казаться оплотом безопасности, где все системы налажены за тебя и для тебя – достаточно пройти через турникет, сесть в поезд и мчать куда захочешь. И не думать, как будешь давать по тормозам, если снова позовёт голос из магнитолы.

Я мысленно заперлась на замок внутри своей головы и забилась в самый укромный её уголок – привычка с детства, ритуал, к которому я прибегала, когда приспичивало подумать о чём-то максимально личном. И там, в укрытии, в очередной раз позволила сознанию коснуться мысли, которой никогда ни с кем не делилась. Приступ нездорового любопытства – сродни тому, с которым люди

косятся в открытые двери подвалов – заставил сердце биться чуть чаще.

Куда меня звали? Может быть, мне всё-таки туда надо?..

В темноте центр города превращается в настоящий лабиринт. Не тот центр, где огни, магазины, бары и толпы народа, а улочки между спящими домами довоенной постройки, где пузырилась и извивалась темнота. Не та, что приходит, когда гаснут фонари, но та, что не растворяется даже в их свете. Скорее, она растворяет его. Изнанка Москвы, повидавшая слишком много. Однажды ты замечаешь её – и пути назад нет.

Время шло к одиннадцати, и пора было ускоряться. На метро я успевала в любом случае, но хотелось бы ещё расслабиться в ванне перед сном. Оценив расстояние до метро по карте, я решила срезать через дворики. Если, конечно, мне повезёт, и в решётчатых воротах арок будут открыты калитки.

Повезло. Калитка приветственно скрипнула и пустила меня в темноту уютного двора. Здесь изнанка ощущалась ещё сильнее, будто чем дальше забредаешь в её сердце, тем в большей степени становишься её частью. Это как сойти с тропы и затеряться в лесу, только тропой в конкретном случае служила тусовочная Маросейка.

Я поддалась очарованию дворов и почти забыла о метро, завороженно любуясь тускло-жёлтыми квадратами окон, бледно-зелёными и белыми фонарями и игрой теней на стенах. На одной из них было что-то написано, и я подошла поближе, чтобы разглядеть.

«Ты проснулась?» – спрашивала стена.

Я набрала полные лёгкие воздуха и задержала дыхание. Неужели история вот-вот повторится? Не хотелось бы. Я не особо сильно пострадала в той аварии – думаю, слово «пострадала» в этой ситуации вообще слишком громкое. Всего лишь сотрясение средней тяжести, даже домой отпустили почти сразу, строго наказав лежать и носить смешной воротник.

– И ты туда же? – сердито прошипела я, с нехорошим предчувствием вспоминая Михаила. – Проснулась, проснулась.

Справа что-то вспыхнуло и погасло. Фонарь. Я обернулась, и взгляд выхватил стену электробудки, на которой… было написано то же самое.

И на асфальте.

И на ржавеющей доске с информацией по подъезду и отрывными объявлениями.

И на стене другого дома тоже.

Я застыла, сканируя глазами пространство на предмет новых надписей. Наверняка какая-то шутка, очередная игра в альтернативной реальности или как их там называют. На всякий случай я ущипнула себя – так ведь полагается? Было ощутимо больно, так что ответ, скорее всего, утвердительный.

Становилось всё более неуютно, и я прибавила шаг. Эти дворы всегда казались мне живыми, но сейчас я кожей чувствовала, как они за мной наблюдают, завлекая в свою игру или же играя мной. То ли свет так падал, то ли моё воображение вырвалось за рамки разумного, но то тут, то там мелькали плоские, карикатурно нарисованные глаза самых разных размеров и форм. Асфальт и стены становились темнее, будто их накрывала невидимая тень, а квадраты окон призывно разгорались сильнее. Пожалуй, я достаточно срезала, теперь доберусь как-нибудь по тротуарам, спасибо. А вот и арка. Остаётся надеяться, что калитка открыта.

В арке горела тусклая лампочка, а улица на другом её конце была практически невидимой со стороны двора. Я внимательно оглядела стены, но ничего не увидела, кроме обрывков объявлений.

«Ты проснулась?» – поинтересовалась правая стена арки. Кривая надпись маркером на ней появилась буквально из воздуха. На левой стене красовалась точно такая же. Будто по щелчку тревожность улетучилась и сменилась любопытством. Я уже в странной ситуации, из которой, очевидно, просто так не выбраться. То, что случилось, уже случилось, а значит, в какой-то степени можно и расслабиться. Если это какая-то игра, то почему бы не подыграть.

– Раз уж тебе так интересно, а человеческого языка ты, по всей видимости, не понимаешь, – сказала я стене, нащупывая в сумке ручку или карандаш. – То отвечу так.

Цепляясь за извёстку, кончик гелевой ручки вывел «ДА» прямо под вопросом.

– Так яснее? – спросила я, пряча орудие преступления в сумку и нервно оглядываясь по сторонам. Олесенька, двадцать пять годиков.

Как будто дождавшись сигнала, одинаковые надписи принялись множиться, будто их выводил мой собственный взгляд, и расползаться по желтоватым стенам арки, перекрывая друг друга и уходя в потолок. Сердце стучало где-то в голове, а уши постепенно наполнялись шумом помех, как будто я попала на экран ненастроенного телевизора. На периферии что-то ритмично пищало. Я вскрикнула и побежала в сторону улицы, вот только улицы там не было. Арка вытянулась на несколько сотен метров вперёд, и я бежала в пустоту, надеясь всё же выскочить на тротуар.

И мне это удалось, правда, не совсем. Инерция вынесла меня на проезжую часть, прямо под колёса отчаянно гудящего автомобиля. Свет фар резанул по глазам так больно, словно это был и не свет вовсе, а идеально заточенный меч.

Удар.

Кажется, погибнуть в аварии мне просто-напросто суждено.

II.

«18.03.2020: Редкая неизученная болезнь продолжает распространяться по всему миру».

Яркий свет пробивался через веки так, что они казались оранжевыми. Я простонала и попыталась отвернуться.

– Проснулась! Она проснулась!

Потребовалось немалое усилие, чтобы открыть глаза. Да, солнце светит так, будто приблизилось к земле на десяток-другой миллионов километров. Яркость лучей умножалась белыми стенами просторной комнаты, в которой я оказалась, а ещё – белыми занавесками и белым одеялом, укрывавшим моё тело до пояса.

Я скосила глаза в сторону голоса и увидела мужчину и женщину в медицинских халатах. Мужчина в два шага очутился у моей кровати, без слов нацепил на запястье какие-то металлические щипцы, подсоединённые проводом к планшету в его руках, и принялся сосредоточенно наблюдать за происходящим на его экране. Женщина проявила больше вежливости.

– Доброе утро. Вы наконец-то очнулись.

– Где я?

– Не волнуйтесь. Вы больнице.

Я закрыла глаза, вспоминая фары у самого лица, и вздохнула. И вот мы снова здесь, на больничной койке. Хорошо хоть год успел пройти. Я не придаю особого значения смене четырёхзначных чисел на календаре (можно подумать, это что-то меняет), но почему-то именно сейчас по-особенному приятно, что они разные.

– Угу. Я что-то такое и подумала.

– Всё позади. Вы провели без сознания несколько дней, приходили в себя постепенно. Что-нибудь помните?

Я напряглась.

– Колёса машины. Это последнее, что я помню.

– А последние три дня? Вы приходили в себя, недолго бодрствовали и засыпали, иногда даже что-то говорили…

– Нет… Совсем нет. Такого не помню.

Женщина понимающе кивнула и поправила выбившуюся из пучка волос светлую прядь.

– Как вы себя сейчас чувствуете?

– Хорошо. Только тело всё затекло. И можно как-то закрыть окно? Солнце…

Не дожидаясь повторной просьбы, мужчина шагнул в сторону окна и ловким движением опустил жалюзи. Стало приемлемо.

– Спасибо.

Он не ответил и вернулся к изучению планшета.

– Ваше тело восстановилось без участия вашего сознания, и это здорово, – с энтузиазмом прощебетала женщина. – Это какое-то чудо, на вас практически ни царапины. Если всё продолжится в таком же духе, дня через четыре можно будет говорить о выписке.

– Четыре дня? Я настолько в норме? В смысле, да, я чувствую себя более, чем в норме, но всё же это авария… Несколько дней без сознания…

– Это самый оптимистичный прогноз. Мы в любом случае будем наблюдать за вашим состоянием столько, сколько потребуется. Но пока есть смысл надеяться на лучшее. Даже без сотрясения обошлось.

Что-то меня в ней смущало. В ней и в её коллеге. В их лицах. И не только – сама обстановка казалась зыбкой. Может быть, от удара у меня упало зрение? Говорят, такое бывает.

– Ну… Ладно. Спасибо за хорошие новости. И насчёт самочувствия…

– Да? – оживилась женщина.

– Я как-то… М-м-м… – я простонала, пытаясь выкорчевать из себя хотя бы пару связных слов.

– Не торопитесь.

– Я странно вижу. Можно будет у офтальмолога провериться?

– Хуже? Расплывчато? В глазах не двоится? – к разговору наконец подключился мужчина.

– Я не знаю. Просто по-другому.

Парочка переглянулась. Казалось, они переговариваются без слов.

– Обязательно это устроим, – заверила женщина. – Отдыхайте, а если что-то понадобится – кнопка вызова медсестры у изголовья, вот здесь. Ах да, к вечеру ждите вашего молодого человека – он практически не отходил от палаты, но пару часов назад всё же уехал отдохнуть.

Эти слова немного развеяли чувство чего-то неправильного. Я не смогла сдержать улыбку. Женщина лучезарно, даже как-то по-рекламному, улыбнулась в ответ, вопросительно посмотрела на своего коллегу, так и не произнесшего ни слова, и они удалились, оставив меня наедине с белыми стенами.

Лежать не хотелось, так что я встала, наугад нашарила тапочки под кроватью и неуклюже проковыляла к окну, разминая затекшие мышцы. Поймать пальцами полоски жалюзи получилось не сразу – руки слушались неважно. Но в итоге я одержала победу в короткой битве за обзор и прильнула к открывшейся щели.

Судя по свету, сейчас полдень или около того. Часов в палате почему-то не было. Никогда не любила время между двенадцатью дня и пятью вечера – оно казалось каким-то неправильным, неуютным. Причём к пасмурным дням претензий не было, а вот в солнечные дни хотелось спрятаться где-нибудь подальше, потому что мир как будто замирал, и в воздухе повисало ощущение неотвратимо приближающейся беды. Особенно ощутимо тревога начинала

вгрызаться в мозг, когда приходилось сидеть дома и ничем не заниматься. Впрочем, залитые солнцем городские пейзажи тоже казались картинкой-обманкой, за которой пряталось нечто, чему в моей голове не было названия.

Вот и сейчас: улицы были абсолютно пусты и неподвижны. Что-то не так. Что-то неправильно. Я всматривалась в дома и пересечения дорог, чтобы понять, в какой части города нахожусь, но это было бесполезно – я не самый искушённый знаток Москвы.

И что делать? Спать? Смотреть в потолок? Ждать, пока тревожность накроет с головой?

В конце концов, мне ведь не запрещали выходить из палаты.

Умывшись над небольшой овальной раковиной в углу палаты, я придирчиво оценила своё отражение в зеркале. Причесать бы это всклокоченное тёмно-каштановое недоразумение, но в целом жить можно – для человека, который лежит в больнице, вид очень даже ничего. Только глаза у отражения расплываются, видно только две мутные зелёные точки. Несмотря на слова врачей, мне в себя ещё приходить и приходить. Странно. Обычно стоит попасть в такую ситуацию в частной клинике, как тебя протащат по всем кабинетам – а обстановка весьма недвусмысленно намекает на то, что я не в государственном учреждении. Хотя бы пижама симпатичная. В прошлой больнице такой роскоши не было, пришлось обходиться каким-то мешком, пока Илья не привёз нормальную одежду.

Наспех пригладив торчащие волосы, я взглянула на палату в отражении. Картинка казалась то ли смазанной, то ли подёрнутой дымкой – возможно, из-за того, как жалюзи приглушали и рассеивали свет. Или же я всё-таки повредила глаза. Так, ладно, пора собраться. Я слишком долго спала.

За дверью оказался просторный коридор со стенами, выкрашенными в нежно-розовый цвет. Гладкий белый пол бликовал от света квадратных ламп, поэтому создавалось впечатление, что потолка целых два, один над другим. Справа выстроился ряд уютных бежевых кресел. Это место – полная противоположность прошлогоднему. Неужели действительно занесло в платную больницу? Даже если так, здесь слишком тихо и безлюдно, учитывая коронавирусный кошмар, будоражащий мир. Заснули все, что ли.

Я сделала пару шагов в случайном направлении и остановилась. А куда, собственно, идти? Никаких других дверей больше нет.

Слишком много света. Слишком много пространства. Слишком «не так» они друг с другом сочетаются. Парадоксально для больничного коридора.

Бледно.

Неподвижно.

Страшно.

Парализующе страшно.

Это всё неправильно неправильно неправильно неправильно неправильно неправильно неправильно…

– Вы куда? – спросил непонятно откуда взявшийся голос.

– Я не знаю… Не знаю… – прохрипела я, чувствуя, как разгоняется пульс, а едва вернувшие способность твёрдо стоять на земле ноги снова немеют.

– Вам нельзя вставать. Идёмте, – я успела увидеть, как белый рукав подхватил меня и мягко, но настойчиво подтолкнул в сторону палаты, из которой я только что выбралась.

– Я в норме, пустите, – вяло возмутилась я, пытаясь повернуться и разглядеть его лицо. Это был тот молчаливый мужчина-врач, который приходил раньше.

– В норме, но нужно немного полежать, – терпеливо сказал он,

– Я не хочу лежать. Я хочу поесть, – зачем-то соврала я.

– Вам всё принесут. В следующий раз воспользуйтесь кнопкой вызова медсестры.

– Можно хотя бы мой телефон?

– Чуть позже.

Мы вернулись в палату, и он помог мне лечь обратно в кровать, к которой меня словно примагнитило в ту же секунду, когда я на неё присела. Я подняла голову и внимательно посмотрела на врача.

Интересно, почему он без маски?

И та женщина была без маски.

Разве сейчас так можно?

Через запланированные четыре дня Илья забрал меня из больницы сам, специально отпросившись с работы. Для меня это было равносильно празднику – такое даже не на каждый день рождения случалось. Мы шли по центру в разгар дня, когда все на работе, и от этого казались себе сбежавшими с занятий беззаботными школьниками.

– Ты у меня самая сильная, – Илья щурился на солнце и крепко сжимал мою руку, следя, чтобы я не наступила в лужу. Талый снег тёк ручьями, ослепительно сверкая, так что его опасения были небеспочвенны. – Не представляю, каково тебе пришлось. На языке всё крутится это дурацкое «не пугай меня так больше, пожалуйста», но я понимаю, что ты не от большого желания под колёса кинулась.

– За это отдельное спасибо, – улыбнулась я, сжимая его прохладную ладонь в ответ и тихо радуясь редким нежным словам. – Не такая уж и сильная, скорее, везучая. Или нет, учитывая, как аварии меня преследуют.

– Да, вопрос спорный. Но ты отлично держишься. Точно нормально себя чувствуешь?

– Точно-точно. Только видится всё в каком-то странном свете.

– Это как?

– Как бы это объяснить… Как на старых фотографиях. Не так, как раньше.

– Странно, врачи сказали, что ты ничего не повредила.

– Не думаю, что это связано, – ответила я, немного отстранившись. – Это другое. Вот у тебя бывало так: идёшь ты по улице и вдруг понимаешь, что слишком тихо, слишком неподвижно вокруг… И так ярко, что свет кажется другим… И тревожно. Необъяснимо тревожно. Как будто вот-вот что-то произойдёт.

– «Полуденный ужас», – пояснил Илья.

– Что?

– Идёшь себе в разгар дня, никого не трогаешь, и вдруг понимаешь, что привычные места и вещи, которые не должны вызывать тревогу, очень даже её вызывают. Это называется «полуденный ужас».

– Ты тоже это чувствуешь?

– Не конкретно сейчас, но в целом да, знакомо. Словно время выключилось, – он поднял голову и задумчиво посмотрел на небо. – Затишье перед чем-то настолько страшным, что не можешь даже вообразить.

Пространство, пронизанное светом весеннего солнца, показалось стеклянным, готовым разбиться или запачкаться от неосторожного прикосновения. Я притихла, сильнее прижавшись к плечу Ильи на всякий случай. Неожиданно было услышать, что он знает название для такого необычного явления. Он, как бы это сказать… Реалист. Слишком реалист.

– Идём скорее домой, – попросила я.

– Идём, конечно. Не волнуйся так насчёт этого ужаса. Такое бывает, когда видишь привычные вещи при непривычных обстоятельствах. Вот скажи, ты часто гуляла по центру в среду в полдень?

– Не особо.

– Вот видишь. Просто мозг так работает.

– Успокоил.

– Вот и хорошо.

– Просто это напоминает мне… – я оборвала мысль на полуслове.

– Что напоминает?

Я невольно скривила рот. До меня дошло, что именно этот «ужас» сопровождал меня все дни больнице, а до этого накрыл в тех дворах, когда на стенах начали вырисовываться надписи. Но Илье такое рассказывать сложно. Порой удивляюсь, как нас вообще друг к другу притянуло. Он до сих пор не верит, что в первую аварию я попала, потому что испугалась внезапного голоса, заговорившего со мной из радио. Я и сама уже разобрала ту ночь на детальки и с максимальным скепсисом рассмотрела каждую, готовая раскритиковать в пух и прах что угодно, но не получалось. Я точно знала, что это была не часть радиопередачи, что голос обращался ко мне. Дурацкое, ничем не подкреплённое, но при этом пуленепробиваемое знание. Гнозис.

– Ну так что?

Серьёзный человек, людьми управляет, а я тут со своими потусторонними глупостями, как маленькая.

– Да не…

Ладно, отношения у нас или что. Сначала утаиваешь крошечную деталь, а потом этих деталей становится столько, что хватит на звездолёт.

– Ты только не пугайся. И к психиатру меня сразу не тащи, договорились?

– Окей, – послушно кивнул Илья, задумавшись на мгновение.

– Собственно, как меня угораздило выскочить на дорогу…

Я сбивчиво пересказала все события того дня: начиная от похода в визовый центр и заканчивая исписанной до потолка аркой, растянувшейся в пустоту. Закончив рассказ, я осторожно посмотрела на него исподлобья. Честно говоря, я была не особо готова получать обратную связь по этой истории, а рассказала её исключительно во имя сохранения честности и доверия в нашей почти семье.

Вопреки ожиданиям, Илья прекрасно это понял. Вместо вопросов и нравоучений он просто посмотрел на меня, по-доброму усмехнулся и поцеловал.

– Я не собираюсь ни к кому тебя тащить, пока сама не захочешь. Но пойми меня тоже правильно. Мне всё равно, в твоей ли это голове или же мир действительно так с тобой играет, – последняя фраза из его уст прозвучала так непривычно, что я задумалась о том, что если всё это игра, и вселенский разработчик пишет для нас диалоги, прямо сейчас он знатно промахнулся. Чтобы Илья приписал миру действие, присущее одушевлённому существу? Да никогда.

– Как мне тебя защитить, Леся?

Я грустно улыбнулась.

– Не знаю. Я правда не знаю. Оно само. Я понимаю, какая это ересь, но… Неужели со мной правда что-то не так…

От этой мысли стало тоскливо. Я ведь абсолютно здорова и всегда была. Просто пару раз нечто необъяснимое довело до больничной койки, а я не могу понять, был ли источник этой чертовщины в моей голове или где-то ещё. Сердце сжалось в тисках страха: то есть, в теории я не отличаю реальность от видения. Здорово.

– С тобой всё так. Слышишь?

– Сама уже не знаю. Может, и правда будет лучше провериться?

– Посмотрим. Тебе бы самой сейчас чего хотелось?

Я задумалась, смакуя формулировку, подразумевавшую активное действие с моей стороны. В нашей паре вопрос редко ставился таким образом. Управление было не просто работой Ильи, а образом его жизни. При этом я никогда не ощущала себя под гнётом тирании – скорее частью идеально налаженного процесса. Илья отлично умеет налаживать самые разные процессы, это его работа и хобби.

– Прийти домой. Представить, что всего этого нет. Лежать в кровати и есть пиццу, желательно вообще не вставать.

– И это всё?

– Наверное…

– Представь, что возможно вообще всё.

Я зажмурилась и позволила самым потаённым словам стать услышанными.

– Хочу, чтобы ты взял отпуск и побыл со мной хотя бы до конца больничного. Мне же неделю дали, да?

– Отличный план, – ответил он. – Так и поступим.

– Серьёзно? Ты возьмёшь отпуск? Ты, по-моему, при мне никогда его не брал. Даже год назад…

– А должен был. Больше я так не облажаюсь.

Я замолчала, не поверив своему счастью. В лексиконе Ильи слова «я», «возьму» и «отпуск» в одном предложении никогда не встречались, даже по случаю праздников. Да чего уж там, они и по случаю моего первого валяния в больнице не встретились. Вся та жуть, которая настырно лезла в голову, мгновенно испарилась, уступив место чистому предвкушению.

Но ненадолго. Некоторое время мы шли молча, а потом меня как молнией ударило.

– Слушай, я тут заметила кое-что, но в больнице постеснялась спрашивать, – осторожно начала я, наблюдая за реакцией Ильи. Я и так уже дала ему более чем весомый повод волноваться не только за моё физическое здоровье, но и ментальное.

– Что такое?

– А коронавирус-то куда делся? Я так поняла, что была в отключке несколько дней, не могла же вся эта паника так быстро рассосаться? Ещё недавно нам отменили билеты, а сейчас все ходят без масок, все магазины и кафе открыты…

Ладонь Ильи кольнула мою током. Его тёмные глаза сузились, словно он собирался с мыслями.

– Магазины, – задумчиво ответил он. – Закрывались, говоришь.

– Ну да, а что?

– Лесечка?

– Да что?

– Не знаю, расстроит тебя это или нет, но коронавирус пока не вышел за границы Китая. И вряд ли выйдет. Ситуация под контролем.

Я остановилась посреди дороги, не отпуская его руку, словно она была спасительной ниточкой, которая могла бы вытащить меня из воображаемых зыбучих песков, куда меня заставили провалиться эти слова.

– Это шутка?

– С моей стороны было бы некрасиво так над тобой шутить.

– А как же статистика? Там такие цифры по умершим были… Вся эта паника… Илья, наш рейс в Берлин отменили из-за этой дряни! Германия закрыла границы в тот день, когда я получила визу!

Илья приподнял брови. На его лице боролись желание рассмеяться от той чепухи, которую я похоже несла, и неприкрытый страх.

– Не совсем понимаю, о чём ты, – деликатно сказал он. – Наш рейс в силе. Хочешь – проверь.

– Ну как о чём, – я постаралась придать своему ответному взгляду максимально укоризненный вид и достала телефон, чтобы открыть сначала новости, а потом уже сайт авиакомпании.

Несмотря на робкое весеннее солнце, пальцы ощутимо замёрзли, пока я вбивала в поисковик запрос «коронавирус». Интернета почему-то не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/miller_sana/luchshiy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить